

БЕЛАРУСЬ: СЛУЧАЙ АНТИМОДЕРНИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Андрей Горных

Когда мы переболели детской болезнью постмодернизма, приход которого наложился на распад СССР, и готовились критически ужиться с постмодернизмом, получая свои порции прибавочного удовольствия, в это время нас, как всегда бывает в таких случаях, неожиданно накрыла волна «сзади» – волна антимодернизации культуры. Волна эта «смыла» Европейский гуманитарный университет, который, как казалось, находился на непотопляемой территории.

В редкой по сочетанию искренности и концептуальности статье наш коллега Бен Коуп – подвижник, если не страдалец, идеи безграничного интеллектуального сообщества, в стоической иронии которого многие из нас находили душевный ресурс для продолжения работы, – увидел возможность для сдержанного оптимизма в том, что на руинах старого университета как модернистского проекта возможно некое обновленное сообщество критических интеллектуалов. Распад институции действительно обнажает то коммунальное корневище – если таковое было, – которое ветвится в невидимой толще повседневных коллегиальных отношений. Я думаю, большинство участников проекта «ЕГУ» это почувствовали, что уже многого стоит. На этом «базисе» можно отстроить с нуля не один проект.

Единственное, в чем я не согласился бы с Беном, – в том, что Лукашенко исполняет функцию «доброе старомодного гумбольдтианца», ратующего за вос-производство национальной культуры и кадров перед лицом коммерциализации и глобализации Университета.

Билл Риддингс¹ точно диагностировал трансформацию самой идеи университета в постмодернистском обществе: университет все более становится еще одним нормально функционирующим капиталистическим предприятием, продающим пользующиеся «спросом» знания, извлекающим положенную прибыль, встраивающимся в общую систему позднего капитализма. Для нового, менеджерского, университета какая-либо миссия: воспроизводство эталона рациональности, единства нации или прав должного перед сущим – все это маргинализируемая «игра в бисер».

Своеобразие ситуации с ЕГУ заключалось в том, что у университета действительно была миссия: привнести в то, что

осталось от советской системы высшего образования, стандарты европейской научности, европейские параметры научной коммуникации и образовательных программ. И на этой базе сформировать новое поколение не просто свободно, «вольно», мыслящих, но мыслящих, если так можно выразиться, систематично — качественно, креативно и регулярно (не случайно философия была системообразующей дисциплиной). Иными словами, ЕГУ готовил студентов как раз к той экономической активности постмодерна, когда, по мысли ее теоретиков, способность поддерживать гибкие системы космополитических отношений и вписываться во все новые инновационные проекты, а не просто «работать по специальности», является необходимым условием успешного позиционирования на рынке труда.

Но как только расцветка «руин» советского университета была бы закончена, мы с необходимостью попрощались бы и с самой миссией. Выход на самоокупаемость, прибыльность стал бы направляющей идеей. Скорее всего, ЕГУ со временем превратился бы в сильного игрока на рынке образовательных услуг, и постепенно идеи книги Риддингса *Университет в руинах* стали бы относиться и к нам. Но провидение «избавило» нас от слишком прямого пути.

И речь здесь не идет о неожиданно упорном и эффективном сопротивлении глобализации со сданных, казалось бы, позиций модерна. Хотя некоторые черты раннемодернистской идеологии воображаемых сообществ — вспомнить хотя бы Хор Белорусов в итоговой заставке белорусского телевидения — безусловно, налицо. То, столкновение с чем не пережил прежний ЕГУ, — это, скорее, в высшей степени диковинная попытка антимодернистского реванша деревни, жакерия XXI века, развернувшаяся против мирового Города. Ядром так называемой «белорусской идеологии» является не столько какая-либо плоская вариация левой идеи, сколько открыто провозглашаемая необходимость восстановить в правах ценности деревни, попранные двуликим и корыстным городом. Марксизм же — как неотъемлемая критическая составляющая модернистского проекта — устами своих классиков весьма нелестно отзывался об этих ценностях, усматривая положительную историческую роль буржуазии в том, что она «подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни» (*Манифест коммунистической партии*, гл. I). «Идиотизмом» с точки зрения горожанина выглядит сельское искусство существования, это «приводящее в отчаяние умение, где бы они [крестьяне. — Прим. автора] ни находились, отказываться от любых нововведений, а также не имеющее себе равных упорство при восстановлении равновесия в жизни, неизменно подверженной превратностям»².

Немудрено, что с позиций деревенского «ренессанса» удары будут наноситься прежде всего по тому, в чем классовое чутье безошибочно — до и поверх всяких сознательно формулируемых идеологем — распознает сущность противостоящего Города. В частности, по самым различным проявлениям индивидуального Стиля (феномену модернистскому пар

excellence), по зачаточным элементам городских элит³. Имеющие свое лицо люди искусства, правые и левые интеллектуалы, капиталисты и университетские философы, деятельные, независимые, образованные люди – вся эта «разношерстная компания» стрижется под одну гребенку суровым парикмахером. Об этом уже писалось и говорилось на сотни ладов. Закрытие ЕГУ позволяет добавить пару штрихов в эту картину.

На что направлено нетупимое острие белорусской идеологии? На фигуру Посредника-спекулянта. В этой связи уместен небольшой экскурс в историю городской буржуазной культуры. Одним из любимых латинизмов ректора ЕГУ академика Михайлова является выражение «городу и миру», когда речь идет о какой-либо публичной адресации. Помимо своего эвфонического звучания – «Urbis et orbis» – эта «крылатая фраза» содержит смысл, указывающий на самую суть западно-европейской городской культуры. Город не имеет четких границ, он не локализуется в сколь угодно глухих и высоких городских стенах. Город – это микрокосм, отражающий весь «мир», дальние страны. Изнутри бурно прогрессирующей городской культуры возникает концептуальный образ Николая Кузанского – центр и окружность.

Физический локус, «земля», отнюдь не является носителем городской истории, «субстанции» в той мере, в какой традиционный сельский ландшафт содержит в себе миф в качестве истины. Феномен города – это система больших и малых кругов, подвижная система международных отношений. Что делает город такой парадоксальной экстерриториальной единицей, «сетевым» феноменом? – Прежде всего торговая активность.

Фернан Бродель в классическом труде *Материальная цивилизация, экономика, капитализм XV–XVIII вв.* самым тщательным образом описал то, как «способ, каким международная жизнь затрагивала город, характеризовал последний в такой же мере, а порой и больше, чем его непреходящие связи со своим ближним окружением. [Как] всемирная история перешагивала через историю локальную»⁴. Схематично реконструируя аргументацию французского историка и культуролога, необходимо отметить, что городская верхушка новой буржуазной культуры складывалась довольно специфическим образом. Социальным субстратом были те группы (от влиятельных семейств до народностей), которые по разным причинам (этническим, религиозным, политическим) оказывались вытолкнутыми из привычного круга. Вследствие экономического роста и географических открытий эти группы были обречены на завязывание дальних торговых контактов. Постепенно становясь жизненно важным звеном в снабжении растущего европейского города, они брали его под свой контроль. Так «издалека» эти новоявленные капиталисты снова становились хозяевами положения.

В этой структурной позиции в различное время оказывались армяне, евреи, знатные флорентийцы и генуэзцы, французские протестанты. Они образовывали прочные корреспондентские сети, селясь малыми сплоченными группами в узловых торгово-промышленных центрах: скорость и надежность получения информации о колебаниях конъюнктур были абсолютно необходимым условием. На основании получаемой

информации крупные финансовые группы постоянно рисковали и изобретали новые схемы торгово-закупочных операций. «Ближние» торговые операции – зерно, шерсть, соль – находились в ведении традиционного рынка под жестким контролем местных властей. Новый класс капиталистов «изобрел» и монополизировал «дальнюю» торговлю – пряностями, перцем и пр. Дальняя торговля, прежде всего, приносила не сопоставимый с традиционным рынком процент (до 3000 %). Производитель и покупатель товара были абсолютно невидимы друг для друга, что развязывало руки крупным купцам в назначении цены – в спекуляции. В этих случаях, как подчеркивает Бродель, предложение и спрос соединялись только с помощью Посредника – образованного, активного, консолидированного, космополитического (торгово-финансовые «семьи», «дома», «группы»).

«Дальняя» торговля (с Индией, Китаем, Америкой) давала невиданную степень концентрации свободных денег и динамику оборота капитала. Она создала инвестиционную базу для индустриальной революции. А как только промышленность перестала приносить большой процент, капитал на более высоком витке снова обратился к торгово-закупочной всеядности, торговле самими деньгами и информацией.

Финансовые группы, крупнейшие международные посредники самого разнообразного профиля образовывали особую подсистему в рыночной экономике, капитализм-в-капитализме. Они существовали в измерении, параллельном как рутинной повседневности традиционного рынка, так и публичному регламенту и предрассудкам локальных властей. В их среде рождается систематический спрос на точные знания, на новоевропейскую образованность. Они продвигают новое искусство – не просто путем прямых инвестиций, заказов и меценатства, но и более опосредованным образом, который блестяще проанализирован Майклом Бэксандаллом в книге *Искусство и повседневный опыт в Италии XV века*. По мысли последнего, существовал непосредственный переход, «континуальность» (continuity), между коммерческой деятельностью, например, и живописью ренессанса⁵. Сама формальная конструкция прямой перспективы – в качестве единого «поля эквивалентностей» – находилась в гомологичном отношении к торгово-посреднической практике того времени.

Посредник изначально стоял в самом центре европейского проекта модерна, являлся катализатором процессов урбанизации. В своем противостоянии ценностям европейской городской культуры, символом чего может служить устраивание банальных колхозных ярмарок на центральных площадях в качестве главных праздничных и культурных акций, белорусские власти совершенно естественно различают в фигуре Посредника кровного врага, постоянно вызывающего к жизни все то, что подрывает гомеостаз сельского сообщества. Идеология же в банальном смысле слова – утаивания «всей» правды – состоит здесь в том, что маргинализировать, выбросить за пределы социальной системы Посредника, Спекулянта можно, только выбросив сам капитализм. Сформулировать такой воистину радикальный лозунг белорусская идеология явно не в состоянии. Приходится ограничиваться оксюморонами

типа: «социально ориентированный капитализм», «рыночный социализм» и т. п. Приходится «идеологически» допускать возможность капитала без капиталистов: денег и консьюмеризма хочется, а образованного, активного, консолидированного, космополитичного, независимого от локальных властей Посредника – боже упаси. Пусть он оставит свои капиталы на границе – мы сами найдем им применение – и поворачивает обратно.

А кто такой философ, на котором держался ЕГУ, или, шире – идея классического университета? Да тот же спекулянт! Слово «спекуляция» только у нас приобрело совершенно однозначный смысл. В европейской традиции это амбивалентный языковой конструкт, обозначающий хитрость предельно практического разума, на котором построена капиталистическая торговля, и отвлеченное мышление в самых абстрактных категориях. Это весьма симптоматическое образование, указывающее на исток рациональности модерна. Говоря за неимением места и времени огрубленно, философ как купец-посредник сводит очень далекие концы друг с другом, мыслит «на дальние расстояния», устанавливая в результате «монополию» на полученный продукт – смыслы внутри авторской философской системы.

Купец окружен многообразными рисками: он может утонуть или быть ограбленным в пути, попасть на плохую конъюнктуру, быть обманутым компаньонами, «задушенным» налогами властей. Он постоянно думает, по мере продвижения в практике опосредования он вынужден придумывать что-либо новое. Он способен посмотреть на родное сообщество глазами чужака, с антропологической дистанции, и ему вполне может показаться странным то, что сородичам представляется естественным, единственно возможным, святым.

Университет, философия как сердцевина университетского проекта – это «такая же» практика постоянного думания и передумывания, поиска радикальной точки внеположности – точки зрения «смерти», позиции «выдвинутости в ничто» (М. Хайдеггер). Философ, по мысли Мориса Мерло-Понти, – это антрополог современного ему общества.

Идеология оперирует как совокупность приемов, представляющих образ жизни данного местного сообщества, локальной культуры, как естественный, само собой разумеющийся феномен. Все, что подрывает эту иллюзию естественности, воспринимается крайне враждебно. Еврей-торговцы и/или ученые искони рассматривались как потенциальная «пятая колонна», игравшая на разнице «курсов» местных нравов и мировых процессов. Университетский преподаватель всегда подозрителен для местных властей, потому что коллегу, единомышленника в заморской стране он понимает лучше, чем своего соседа.

Идеология как современный миф – это поле исключения, или, в терминах Лакана, «размыкания» (*déconnage*) оппозиций. Поле производства истины, когда «все истинно, при условии, что вы исключаете противоположное»⁶. Университет – это институт диалектического мышления, антиидеологического *par excellence*. Это систематическая попытка допускать оба члена логической оппозиции. Допускать само наличие оппозиции – в том числе и в политическом измерении – как

необходимое условие для существования «своего». В высшей степени характерная для современной Беларуси реалья: оппозиция не только в поверхностно политическом, но и в логическом смысле практически исключена. Все, в той или иной мере противостоящее официальной картине мира, клеймится как заведомо худшее (экономически, морально, эстетически), стирается из публичной сферы. Журналистика в этой ситуации становится антижурналистикой, последовательным исключением иной точки зрения.

Любое понятие «меньшинства» в мифологической конструкции немедленно связывается с извращением. Только Большинство и Единство. В то время как существенной чертой идеологии модерна — ведь это тоже идеология, как и все, что касается отношений индивида и группы, — является универсализация меньшинства городских элит в поле всеобщей эквивалентности (товарно-денежной формы или понятия). Университет наряду с финансовым капиталом является, возможно, наиболее «чистым» социальным институтом, воплощающим подобную универсализацию.

Подобно тому как во время застолья необходимо всех напоить, чтобы достигнуть градуса единения, стирания, заключения в скобки всего внешнего традиционное, «ритуальное», сообщество добывается различными техниками невозможности взгляда со стороны. Сократа называли первым трезвым среди поголовно пьяных. Участь известна: его «закрыли» за растление юных умов и подрыв нравов. Все эти «спекулянты» и «посредники» — от капитала до университетов — воистину виновны: они не дают народу совпасть самому с собой, то есть образовать фундаментальный идеологический фантазм Единого Народа. В фигуре же Вождя, Президента народ обретает идентичность, цельность, невинность, автономность и автаркию. А все эти многочисленные «посредники» — место им в «невыносимой» социальной реальности общества, состоящего из различных групповых интересов, не сводимых к какому-либо единству, в постмодернистском обществе постоянно революционирующихся технологий и меняющихся коммуникативных стратегий. Прикрыв Европейский гуманитарный университет, власть сама пытается прикрыться «покрывалом Майи» деревенской идиллии от этого «нестерпимого» видения.

Примечания

- ¹ Readings B. *The University in Ruins*. Cambridge. MA: Harvard University Press, 1998.
- ² Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика, капитализм XV–XVIII вв.* Т. 2. М., 1988. С. 247.
- ³ В этом контексте становится более понятным недавнее молниеносное переименование главных проспектов столицы: из центра публичной сферы были стерты два имени, ассоциировавшиеся с европейской интеллектуальной и советской государственной городскими элитами, — Скорины и Машерова. Теперь это проспекты Независимости и Победителей, отсылающие к «имени» анонимных народных масс.
- ⁴ Бродель Ф. Указ. соч. С. 179.
- ⁵ Vaxandall M. *Painting and Experience in fifteenth century Italy*. London, Oxford, New York: Oxford University Press, 1972. P. 101.
- ⁶ Lacan J. *L'œuvres de la psychanalyse: Le Séminaire*. Livre XVII. Paris, 1991. P. 127.